

Память

Одна из последних его книг называлась «С ярмарки еду». Почти этой же фразой – «Я уже с ярмарки» – он полусутоливо отмахивался от проходных социальных пророчеств, словно давая понять: поэт мудрее и выше страхов.

А ещё его любимой была цитата из Маяковского: «Кроме свежесмытой сорочки ...» При всей значительности своего таланта он и правда был непритязателен в быту, дорого ценя лишь самое важное: чистоту физическую и нравственную, отношения с близкими, домашний уют, дружбу, книгу, возможность творить, жизнь во всех её проявлениях.

Сегодня на литературной странице об Александре Павлове вспоминают люди, входившие в его окружение.

Со «старинным началом»

В самом начале своего творческого пути поэт Александр Павлов выткнул счастливый билет.

Рабочий паренёк, отслуживший в рядах Советской Армии, пишущий небездарные стихи и посещающий городское литобъединение, по рекомендации именитых наставников в 1973 году поступает в Литературный институт имени А. М. Горького. По тем временам редкая удача. Дальше – больше: участие в 1975 году во Всесоюзном совещании молодых писателей, а в 1976 – выход первой книги стихотворений в московском издательстве «Совре-

Ему не вечность, а судьба дана

Сегодня исполнилось пять лет, как не стало поэта-«металльца» Александра Павлова

менник» и вступление в Союз писателей СССР. Так Александр Павлов из листопрокатного цеха уверенно шагнул в цех литературный. И было ему тогда всего 26 лет! Но, разумеется, не в одной удаче дело. Одарённый стихотворец, он к тому же отличался истинным трудолюбием и постоянным желанием учиться.

Каким он запомнился мне? Творчески разноплановым – самобытный поэт, яркий публицист, икусный переводчик. А ещё художник: Александр Борисович по сещал изостудию ММК, неплохо рисовал, имел немало друзей-живописцев.

Напрочь лишённый фанаберии, он был на равных с начинающими авторами, искренне радовался их творческим находкам, успехам на литературном поприще. А ещё он вспоминается мне как человек беззлобный и необидчивый. Хотя от собратьев по перу можно было ожидать всякого, особенно на домашних посиделках. Однако даже на колкости он отвечал лишь добродушной улыбкой.

На первый взгляд он мог показаться этским простаком, однако наивным вовсе не был. Это подтвердят те, кто знал Павлова лично. Незнакомые же удостоверятся, почитав его стихи, пропитанные не только патетикой воспевания трудового подвига, но и вековой мудростью, народной правдой и, как он сам писал, «добрым старинным началом». Он сумел опозитизировать, казалось бы, самые непозитичные вещи и явления: промышленные переделы, суровые промзоны и стройплощадки индустриального гиганта. И в этом лиризме проявилась вся павловская неизбывная любовь к родному городу, давшему ему мощный творческий заряд.

Вспоминать о Саше Павлове так же легко, радостно и светло, как перечитывать его стихи. И воистину – строка сильна, когда она беспечна». Светлая ему память.

Игорь Варламов, член Союза российских писателей, Москва

Притягивала его доброта

Вспоминается, как он говорил о друзьях-поэтах. Всегда сразу начинал в превосходных тонах, зачастую выдавая огромные авансы: «Прекраснейший поэт и при этом рыбак отменный! А как готовит уху!» – и на память цитировал наиболее удачные строки автора.

В этом была попытка дать собрату по перу дополнительный шанс в творческом росте. К тому же такой оценкой он ставил начинающего поэта в один ряд с собой, что особенно дорого.

В последние годы мы часто общались: шла работа над моей первой книгой. Нашли много точек пересечения: предки наши – потомственные оренбургские казаки, в детстве жили рядом, разделённые железнодорожным полотном станции Магнитогорск-Грузовой, мальчишками бегали за «боеприпасами» на северную скрапную – нынешний копровый цех № 1, где много позже поэт Александр Павлов на сменностречных собраниях будет читать свои стихи, а я – работать бригадиром дежурных электриков, ещё не помышляя о поэзии.

На открытии мемориальной доски его имени Римма Дышаленкова назвала поэта праведником. Я бы добавил: праведник – всепрощающий. Это качество проистекает из его способности находить над событием, осознавать невидимые взаимосвязи. Казалось, он знает много больше остальных о нашем бренном мире. Доброта – тот свет, что притягивал к нему людей, а отражением доброты была открытая мальчишеская улыбка. Его отличала нескончаемая любовь – к родным, друзьям и товарищам по перу, своей малой Родине, городу. А ещё: при всех своих заслугах и несомненном таланте во многих сферах деятельности Саша был скромным до застенчивости.

Как-то за «рюмкой чая» в домашнем кабинете он рассказывал мне удивительные истории из собственной жизни о многочисленных творческих командировках, старшем брате Володе, погибшем в волнах Балтийского моря, об отце – фронтовике-танкисте. Вдруг вопрошает: «Можно, прочту стихотворение?» Поразила не просьба, а то, что поэт просит разрешения у меня, готового внимать часами. Павлов преобразился, характерным движением руки убрал со лба выступившую от волнения

испарину, начал: «Пришёл отец, небритый и седой, / встал у порога, обнял и заплакал... / Ухоженный, здоровый, молодой, / я только произнёс: «Ну что ты, папа...» На этой пронзительной фразе замолчал на мгновение, справляясь с душистыми его слёзами, и продолжил: «Беснуйся, память, боль свою излей, / о чём сегодня горькая забота? / Ушёл отец дорогою своей, / прижав к груди моё и внуков фото».

Александр Борисович умел искренне радоваться чужим творческим удачам и даже бытовым способностям, не скупясь на похвалу. «Таня, Таня, иди посмотри: торшер полгода не работал, сказали, ничего сделать нельзя, а Виктор за пять минут починил! Ну, мастер! – кричал он радостно в соседнюю комнату жены, приводя меня в немалое смущение. – А хочешь взвара отведать? Таня отменный взвар приговорила». И через минуту мы вкушали насыщенный компот из плодов павловского сада.

Последний раз мы встретились в середине сентября того злополучного года. Бабье лето ликовало, обещало и, как обычно, обманывало. Я подвёз на своём автомобиле Александра Борисовича до остановки, и там, в машине, у нас произошёл предельно откровенный разговор – исповедальный и очищающий. Потом попрощались. Павлов стоял один на асфальтированной площадке в чёрном плаще, по-медвежьи широко и косолапо расставив ноги, пристально смотрел вслед удаляющейся машине. Таким он и остался в моей памяти: большим и беззащитным в ускользающем мире.

Спустя три года, после работы с его архивом, я опубликовал в Челябинском литературном альманахе ранее не печатавшийся венок сонетов «Не в камне – в человеке красота» о нашем крае, о нас.

Виктор Калугин, поэт, руководитель лито «МАГНИТ»

Сколько помнят года

Он пришёл ко мне под утро, во сне, чтобы прочитать новые стихи, которые я, конечно, не запомнил. И снова ушёл в небытие. А я вспом-

нил последнее интервью, взятое у него незадолго до кончины.

Тогда я спросил, как рождается великая тайна поэзии. «Под настроение, когда зреют чувства в душе и голове, – ответил он, улыбувшись. – Думки уже были с недельку: оформить их технически несложно. На ходу возникает два-три стихотворения. Дома записываю их на бумагу. То, что забыл, бог с ним: значит, эти строчки людям не нужны».

Спрашиваю, всегда ли его печатали. «Иногда запрет на стихи лежал пятнадцать лет, – он невесело улыбается. – Мой «Новый дом» считали нежелательным «за явный призыв к свержению советской власти» и советовали «хорошо подумать». Я не принимаю расхожей фразы, что, мол, у России – две беды: дороги и дураки. С первой напастью согласен и готов с ней бороться. Вторую принимаю, но органически не принимаю. Однажды в словаре русских имён и фамилий встретил толкование: «Дурак – нецерковное распространённое русское имя, давшееся очень уважаемым и почтенным людям, чтобы снять порчу и дурной глаз, до принятия христианства на Руси. Стало обидно за имя собственное, ставшее нарицательным и даже оскорбительным. А когда-то Ивану-дураку, как и Иванушке-дурачку, излюбленным народным персонажам, не было равных в поединках со сказочными отрицательными героями. Так родилось стихотворение «По долинам, лесам...», тогда «положенное в стол».

Он читает наизусть, без запинки: «Сколько помнят года – / ты такое выкидывал! Сдуру? / На широких ладонях / такое в глуши поднимал! / На мечи, на штыки, / на смертельную шёл амбразуру / и решительный миг / всю жизнь свою своей понимал. / Видно, в сказках не зря / прославлялся дурак всенародно, / пресловутый Иван, / добывающий людям добро... / Да, молчанье – золото, / если кому-то угодно, / и порою не грех / пораскинуть своё серебро».

Мой собеседник снова улыбаётся: «Видно, кому-то очень не понравились эти строчки. «Сказка – ложь, да в ней намёк...»

Валерий Ефимов, краевед

Поэзия

9

Куда, куда ты мчишься, человек,
На голубой неслышанно планете,
Перед судьбой, не смежая век,
Над гулом боевых тысячелетий,
В ракетном громе,

поскрипе телег,
В огонь и воду, черноту и ветер,
Перед какой историй в ответе
Вершишь ты
нескончаемый пробег?

Из цикла «Не в камне – в человеке красота»

Среди веков,
мудрей и совершенней,
Не пригибая гордые колени,
Ты от земли уходишь на крыле.
Но всем земным
подвержен тяготеньям,
Ты, совершая светлое паденье,
Неотделим от пашен, гор и рек.

10

Неотделим от пашен, гор и рек,
Как счастье
и беда неотделимы,
Как берега реке необходимы
И молодое солнце на заре.
В пустыне льдистой,
медленной жаре,

В степях, песках,
тайге непроходимой,
Ты доказал земле необходимость
В твоих трудах, заботах и добре.
Пусть гам стоит
растерянно и зло,
Мол, не туда тебя подзанесло,
Ты поклоняйся
божествам и зелью...

Куда же ты,
ничтожество, летишь,
Железным громом
вспарывая тишь,
Врезающийся
в собственную землю?

11

Врезающийся
в собственную землю...

Да, смертны мы,
у всех один причал.
А потому всё яростней и злее
Несём года на крепнущих плечах.
И нам ли делать ставку на везенье,
Когда на теле роба горяча?
Гудит огонь

в мартеновских печах,
И в поле вешнем лопается семя.
Весь мир усыпан тёплыми огнями,
А руки землю тёплую обняли,
И выпрямлена жаркая спина.

Да бросьте, люди,
звездолёт и соху!
Давайте отдохнём одну эпоху!
Но человеку чужда тишина.

12

Но человеку чужда тишина:
Она ракетноносцами разбита,
А в небесах заходит луна,
Земная изменяется орбита.
Подрагивает в почвенных волнах
Тяжёлый шар, ворочаясь сердито,
Благоухает синью и смердит он –
Ему рука хозяйская нужна.
Под коей он голубиной брызнет,
И станет смерть –
как продолжение жизни,
Что в вечности
звездой отражена...
Тогда уже не будет резать слуха
О человеке брошенное сухо:
– Ему не вечность, а судьба дана.